

НОРМАТИВНОЕ ЗНАНИЕ В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ (ПО МАТЕРИАЛАМ РУКОПИСИ Н.И. КАРЕЕВА «ОБЩАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК»)

Алексей Валерьевич Малинов^{абв} (a.v.malinov@gmail.com),
Евгения Андреевна Долгова^г (medievalis@list.ru)

^а Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

^б Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия

^в Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия

^г Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия

Цитирование: Малинов А.В., Долгова Е.А. (2022) Нормативное знание в социальных науках (по материалам рукописи Н.И. Кареева «Общая методология гуманитарных наук»). *Журнал социологии и социальной антропологии*, 25(3): 41–57.
<https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.3.2>

Аннотация. В статье и сопровождающей ее публикации архивных документов вводится в научный оборот фрагмент работы историка, социолога, методолога науки Н.И. Кареева «Общая методология гуманитарных наук» (1922). Публикуемый отрывок посвящен соотношению теоретического, практического и нормативного знания. Теоретическое знание раскрывает законы явлений, практическое сосредоточено на решении прикладных (технических) задач, а нормативное знание познает социальную реальность исходя из существующих (признаваемых) норм и ценностей. Кареев пытался сформулировать идеал научной этики как нормативного учения, познающего поступки людей, т.е. выявляющего нормы поведения. В широком смысле проект таким образом понимаемой научной этики совпадал с задачами социальной философии. Этическая точка зрения, точнее моральная оценка, допустима в изучении социальных явлений, но точно так же и сама этика может быть исследована в своих конкретных формах и проявлениях. Выявление этических элементов в социальных фактах (правовых, экономических, политических) позволяло, полагал Кареев, исследовать мораль как социальное явление. Главным подспорьем в этом деле выступал сравнительный метод. Сравнение главным образом должно было устанавливать схожие и повторяющиеся черты в социальных явлениях и тем самым раскрывать специфику этических отношений. Текст публикуется по современным правилам орфографии с сохранением стилистических особенностей документа.

Ключевые слова: Кареев, методология, этика, нормативное знание, сравнительный метод.

Вопросы методологии науки занимают в научном наследии Николая Ивановича Кареева (1850–1931) значительное место. Хотя в историю отечественной науки он вошел прежде всего как крупнейший специалист по истории Нового времени, в том числе Французской революции, как автор семитомной «Истории Европы в Новое время», еще в докторской диссертации Кареев обозначил свою приверженность позитивизму и новой положительной науке об обществе — социологии, которую отождествлял с теорией исторического процесса. Уже в ранних своих работах он проявил тяготение к изучению философских и теоретических вопросов исторической науки. Полнее всего его философско-исторические взгляды были высказаны в докторской диссертации «Основные вопросы философии истории» (1883). Две из четырех частей диссертации фактически были посвящены социологической проблематике. Карееву же принадлежит и первый отечественный учебник по социологии — «Введение в изучение социологии» (1897).

В конце жизни вопросы разработки теоретико-методологических вопросов науки приобрели в его творчестве дополнительный импульс. Социальные потрясения, не только интеллектуально переживаемые, но и физически ощущаемые, пробуждали дополнительный интерес к изучению революционных процессов как в прошлом, так и в настоящем. Вокруг не только рушился привычный социальный порядок, но и колебалась вера в возможность разумного устройства жизни. «Эпоха модерна, или Серебряный век, — пишет Е.А. Трофимова, — это крах эпохи иллюзий и обольщения самодовлеющего новоевропейского разума, это начинающееся сомнение в возможностях улучшить окружающий мир, повлиять на него силой просвещенного разума» (Трофимова 2012: 5). В то время оказались востребованы исследования Кареева по истории Французской революции. Но не меньший интерес вызывало и теоретическое осмысление социальных перемен. После смерти в феврале 1919 г. академика А.С. Лаппо-Данилевского Карееву в Петроградском университете был передан курс «Методология истории».

Тяжелые жизненные обстоятельства революционной поры вынудили ученого уехать из голодного Петрограда в свое бывшее имение в Смоленской губернии. Не имея возможности работать в библиотеках и архивах, он приступил к обработке своих теоретико-методологических курсов. В конце 1910-х — начале 1920-х годов Кареев подготовил рукописи трех книг: «Общие основы социологии», «Основы русской социологии» и «Общая методология гуманитарных наук». Опубликовать удалось только первую, которая вышла в издательстве «Наука и школа» в 1919 г. «Основы русской социологии» были изданы лишь в 1996 г., а фрагменты «Общей

методологии гуманитарных наук» стали публиковаться только в последнее время (Кареев 2017; 2020a; 2020b; Долгова, Малинов 2017), хотя в 1923 г. ученый предпринял попытку ее обнародовать. Публикация книги было остановлено по цензурным соображениям, ее издательская рукопись отложилась в фонде Кареева в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ. Ф. 119. К. 390). Теоретико-методологические работы Кареева, таким образом, стали завершающей его научное творчество трилогией. Ничего более значительного до конца жизни он уже не создал.

Особенность последних работ Кареева состояла в том, что они в первую очередь отражали его лекционные курсы, а значит, были подчинены не столько исследовательским, сколько пропедевтическим целям. В них он во многом повторял идеи, высказанные в более ранних работах, например во «Введении в изучение социологии». В предисловии к «Общим основам социологии» ученый раскрывал обстоятельства работы над книгой, которые с большой долей правдоподобия могут быть перенесены и на рукопись «Общая методология гуманитарных наук». «Эта книжка, — признавался Кареев, — была написана не то, чтобы единым махом или в присест (для этого она слишком велика), а, выражаясь немецким термином, *aus einem Guss*¹. <...> были давно сложившиеся мысли о том, чему книжка посвящена, и желание когда-нибудь дать им связанное изложение, чисто догматическое и популярное. Я взялся за перо и, не отвлекаясь ничем другим (даже чтением газет, получавшихся чуть ли не раз в неделю), сразу написал эту книжку, создавая ее план во время самого написания и даже не зная наперед, сколько напишется. Хотелось только, чтобы содержание ее было наиболее общим, а форма как можно более общедоступною» (Кареев 1919: 3). Он отмечал, что книга во многом писалась «целиком из головы, без всякого особого к ней приготовления и без возможности даже наводить какие-либо справки в процессе работы, я подвел для себя самого общие итоги над своими взглядами, вырабатывавшимися в течение десятилетий начиная еще с семидесятых годов прошлого века» (Кареев 1919: 3). Кареев также указывал, что сосредоточился на «догматическом изложении», поскольку в более ранних книгах и статьях уже предпринимал исторические и критические обзоры существующей научной литературы и концепций.

В «Общей методологии гуманитарных наук» Кареев выделял три вида знания: теоретическое, практическое и нормативное. Теоретическое знание раскрывает законы явлений, практическое — сосредоточено на реше-

¹ «Цельно» (нем.).

нии прикладных (технических) задач, а нормативное знание познает социальную реальность исходя из существующих (признаваемых) норм и ценностей. Нормативное знание принадлежит исключительно области гуманитарных или социальных наук. Кареев расширительно толковал гуманитарное знание, включая в него и науки социальные. Еще во «Введении в изучение социологии» он замечал, что помимо теоретического, эмоционального и утилитарного отношения «ко всему человеческому, а в том числе и к обществу», существует еще отношение этическое (Кареев 1897: 305). «В том и заключается существенная разница между естественными и гуманитарными науками, — продолжал он, — что первые могут иметь лишь значение наук чистых и прикладных, тогда как последние способны заключать в себе, кроме теоретического и утилитарного элементов, еще и элемент этический» (Кареев 1897: 305–306). Он указывал на безнравственность исключительно утилитарного отношения к людям «как к средствам или орудиям наших целей» (Кареев 1897: 307). Правда, при этом ученый признавал, что «в самом мире человеческих отношений <...> далеко не все может требовать этического к себе отношения, и в таких случаях гуманитарные науки в своем отношении к изучаемым предметам ничем не будут отличаться от естествознания» (Кареев 1897: 307). В качестве примера он приводил изучение языка лингвистикой или древностей археологией, дополнительное отягощение которых моральными требованиями считал излишними.

Полнее всего специфика нормативного знания поясняется Кареевым в седьмой главе «Общей методологии гуманитарных наук», которая называется «Нормативное и прикладное знание в гуманитарных науках». Он не проводил строго различия между ценностями и нормами, что, впрочем, не является редкостью, поскольку, по замечанию А.И. Бродского, «различие между ценностными и нормативными высказываниями не столь уж существенно» (Бродский 2014: 8). Необходимо отметить, что аксиологическая проблематика оставалась на периферии научного интереса Кареева. После смерти А.С. Лаппо-Данилевского, читавшего курс «О теории ценности» (Лаппо-Данилевский 2017), аксиология долгое время в Петроградском университете не преподавалась. Примечательно, что из курсов А.С. Лаппо-Данилевского Карееву была передана лишь «Методология истории».

Еще в гимназическую пору Кареев сдружился в В.С. Соловьевым. В последующие годы он изредка сотрудничал с ним в различных проектах, например в редактировании «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона». В начале 1890-х годов он полемизировал с В.С. Соловьевым по вопросам философии истории и достаточно внимательно следил за его

творчеством. Тем более странным выглядит демонстративное игнорирование ученым последнего крупного труда русского философа «Оправдание добра», проблематика которого прямо соприкасалась с теоретико-методологическими исканиями Кареева. Подход Кареева скорее выглядит оппортунизмом тому восходящему к И. Канту проекту обоснования теоретического разума практическим, который пытался реализовать и В.С. Соловьев.

Кареев признавал воздействие критической философии на «этико-субъективную школу», в которую зачислял и себя самого, однако уклонялся от влияния неокантианства, которому в значительной степени принадлежит первенство разработки аксиологической проблематики. Отказ от абсолютизации любых форм знания в позитивизме, которому следовал Кареев, подталкивал его к релятивистскому восприятию ценностей. Исключение он оставлял только для истины (правды), за которой единственной признавал безусловную ценность. Всеобщность и необходимость истины гарантировались единственностью субъекта познания. В познании индивидуальности подводились под общий знаменатель трансцендентальной субъективности. Нормы также требовали унификации «с точки зрения разума», как выражался Кареев. Задача этики как науки, полагал он, состоит в том, чтобы «дать рациональное обоснование человеческой нравственности и вывести нормы человеческого поведения из какого-нибудь единого и основного начала» (§ 390).

Почти в кантовских терминах Кареев рассуждал о «царстве субъективизма» как царстве целей. Он полагал возможным имплицировать нормы из единого рационального начала, хотя и признавал, что этические вопросы относятся к области поведения человека, а не мышления, принадлежат пространству воли, а не разума. Противоречивость исходных положений едва ли могла привести Кареева к какому-либо удовлетворительному результату. Создавалось впечатление, что он даже не до конца отдавал себе отчет в сложности задачи. Впрочем, свобода воли, на которой основываются нормы поведения, интерпретируемые Кареевым в этических терминах, не возможна без их осознания, а значит, она не противостоит разуму. Этим свобода воли отличается от свободы выбора, которую можно зафиксировать в поведении не только «разумных» существ. «Быть агентом свободной воли, — поясняет Д.Н. Разеев, — означает не только способность реализации некоторого действия по собственному произволу, но и бремя ответственности за это действие и его последствия. Статус агента свободной воли предполагает нечто большее, нежели действие когнитивного механизма выбора. Свободная воля предполагает осознание и поэтому связывается с бременем ответственности за выбор того или иного свободного действия. Ее можно сравнить со своего рода пережи-

ванием, т.е. событием или цепью событий в феноменальном потоке сознания. Свобода воли не может быть неосознанной» (Разеев 2019: 113).

Кареев неслучайно предпочитал использовать понятие *правды*, а не *истины*, поскольку восходящая к Н.К. Михайловскому интерпретация правды как единства истины и справедливости позволяла наметить переход от познания к области этики. Кареев пытался сформулировать идеал научной этики как нормативного учения, познающего поступки людей, т.е. выявляющего нормы поведения. В широком смысле проект таким образом понимаемой научной этики совпадал с задачами социальной философии, что признавал и сам ученый. Социально-философский контекст истолкования этических вопросов требовал и более общих категорий. Так Кареев обратился к понятию «моральная культура», которое по его мысли охватывает многообразные формы человеческого поведения.

Сомнение в научности этики, как и в целом социальных исследований, мог заронить их неизбежный субъективизм. Еще во «Введении в изучение социологии» Кареев допускал возможность согласования этического субъективизма с научным объективизмом. «Беспристрастие, — писал он, — является, однако, не только теоретической добродетелью, но и добродетелью этической, так что в данном случае научные и нравственные требования совпадают» (Кареев 1897: 309). Науку и этику он противопоставлял эмоциональному субъективизму и продолжал далее: «Но научный объективизм и этический субъективизм один другому не противоречат. Один должен совершенно беспристрастно констатировать факты и беспристрастно же делать выводы из данных посылок, не заботясь о том, чтобы результаты исследования были нам приятны или совпадали с нашими желаниями. Задача этического субъективизма — беспристрастно оценивать объективно констатированные факты и беспристрастно же делать те или другие нравственные заключения, отправляясь от дознанных истин, хотя бы оценка эта и эти заключения вызывали в нас горькое чувство и разрушали в наших глазах дорогие нам иллюзии» (Кареев 1897: 309–310). Понятие объективности, таким образом, как относится к предмету «самоу по себе», так и является характеристикой познавательной деятельности субъекта. Приходится констатировать «двойственность объективности в ее отношении к субъекту как основанию всеобщих и необходимых суждений и к предмету самому по себе, существующему независимо» (Шиповалова 2015: 50).

Кареев неоднократно признавался в верности позитивистской доктрине, в том числе в истолковании этических вопросов. В «Общей методологии гуманитарных наук» под позитивистской этикой он понимал этику эволюционную и пытался эксплицировать этические проблемы

на примере права, политики и экономики. Он отмечал, что О. Конт оставил этику не разработанной, хотя и ввел термин альтруизм. «И все-таки, — писал Кареев, — Контом для этики была поставлена научная проблема — объяснить существование морали без метафизических предположений и вывести мораль не из индивидуальной, а из социальной жизни человека, исследовав при этом тот двигатель человеческих поступков, которому он дал название альтруизма» (Кареев 1897: 320–321). По мысли Кареева, это задача коллективной психологии, к которой в его время нередко сводили социологию. Позитивистское «преобразование» этики совершил Г. Спенсер. Опираясь на принцип альтруизма и эволюционную точку зрения, он дал обоснование нравственности как социального явления.

В своем учении Кареев отводит социологии роль синтезирующей или интегрирующей науки об обществе, законы и положения которой верифицируются в различных областях социальной жизни, прежде всего в области правовых, политических и экономических отношений, и находят подтверждение в истории. Этика как нормативная дисциплина оказывается ближе социологии (науке номологической), чем социальной практике, поскольку нормы (и ценности) заключают в себе элемент идеальный, исходят из принудительных требований долженствования, которые в полной мере, как правило, не могут быть осуществлены. Более того, по словам Кареева, «этический элемент теоретически неустраим из социологии, потому что существует в самой общественной жизни, как бы себе ни объясняли генезис этого элемента. Это одно из проявлений той субъективной стороны социального прогресса, которая заключается в психическом взаимодействии личностей и не может быть игнорируема социологией. Каждое политическое, юридическое и экономическое отношение, объективно существующее, является и воплощением того или другого принципа, который имеет моральное значение» (Кареев 1897: 322).

К позитивистским постулатам, разделяемым Кареевым, следует отнести и концепцию многофакторности социально-исторического развития. Наряду с влиянием природно-климатической среды, внешнего окружения, состава населения, экономики, роли личности и т.д., моральные учения также способны оказывать воздействие на жизнь людей и ход истории. Как писал Кареев, «социология не может считать свой предмет исчерпанным, если не будут подвергнуты ее рассмотрению чисто нравственные факторы, оказывающие свое влияние на хозяйственную, правовую и государственную жизнь общества» (Кареев 1897: 321). Этическая точка зрения, точнее моральная оценка, допустима в изучении социальных явлений, но точно так же и сама этика может быть исследована в своих конкретных формах и проявлениях. «Подобно социальным явлениям

других категорий, — пояснял Кареев, — они (нравственные явления. — *Авт.*) могут далее изучаться этнографически, исторически, статистически, причем и здесь возможны конкретная и абстрактная точка зрения (история нравственности и теория нравственности) и вполне, наконец, применим сравнительный метод. Эволюция нравственности составляет одну из сторон социальной эволюции вообще, вместе с эволюцией государства, права и народного хозяйства» (Кареев 1897: 321).

Наиболее сближается этика с правом, поскольку само значение *justitia* как справедливости отсылает к моральной интерпретации права. Содержательно понятие справедливости раскрывается в этических учениях, в то время как юридическая практика должна заботиться о ее соблюдении и применении. Развивая свое суждение, Кареев писал: «Наиболее тесная связь существует между этикой и юриспруденцией в смысле общей теории, или философии права. <...> И нравственность, и право суть одинаково явления общественного порядка, но первая мыслима как необходимая принадлежность всякого общежития вне какой бы то ни было социальной организации, тогда как второе достигает своих целей, да и возможно вообще лишь под условием существования уже некоторой общественной организации» (Кареев 1897: 317). В этом отношении, полагает Кареев, этика «древнее» права, она принадлежит всякому человеческому обществу и, в отличие от права, может функционировать вне какой-либо институционализации. Этика может существовать *вне* права и *до* права, в то время как юридические отношения, лишённые моральной интерпретации, теряют смысл. «Но право есть именно право, а не просто факт, благодаря только моральной санкции», — констатировал ученый (Кареев 1897: 318). Восстановление погрязших прав и справедливости может служить в теории классического либерализма, с которой солидаризировался Кареев, оправданием права на восстание и насильственное свержение власти, т.е. революцией (Куприянов 2019: 59–76). В этике находит оправдание также политическая и экономическая деятельность. Эгоизм, из которого исходила политекономическая теория, сводил хозяйство на уровень антисоциальных явлений. Как историк, Кареев указывал на известные попытки изгнать из политики этическую оценку, стремление лишить личность каких бы то ни было прав. Из ложно понятого «естественного закона» как права сильного, пояснял он, вытекала и политекономическая теория, оправдывающая господство промышленной буржуазии. Неслучайно поэтому социалисты видели в политической экономии «школу эгоизма и защиту общественной несправедливости» (Кареев 1897: 320).

Выявление этических элементов в социальных фактах (правовых, экономических, политических) позволяло, полагал Кареев, исследовать

мораль как социальное явление. Главным подспорьем в этом деле выступал сравнительный метод. Сравнительным методом успешно пользовались многие коллеги Кареева по академическому цеху. Достаточно упомянуть М.М. Ковалевского или П.Г. Виноградова. В «Общей методологии гуманитарных наук» Кареев фактически признавал сравнительно-исторический метод доминирующим методом социального знания. Сравнение главным образом должно было устанавливать схожие и повторяющиеся черты в социальных явлениях и тем самым раскрывать специфику этических отношений. Впрочем, в социально-исторических науках сравнение не всегда использовалось для фиксации общего. Не менее важны были и устанавливаемые различия. Так, В.О. Ключевский не придавал столь универсального значения сравнительному методу. В сравнении он видел не метод, а прием, позволяющий выявить не сходства, а своеобразие изучаемых явлений, что сближало его подход с точкой зрения Э. Дюркгейма и М. Вебера (Козловский, Браславский 2017: 248–249).

Ниже публикуются фрагменты седьмой главы («Нормативное и прикладное знание в гуманитарных науках») рукописи Кареева «Общая методология гуманитарных наук». Стилистические особенности, особенности расположения текста на листе сохранены в целях аутентичной передачи источника. Сохранены подчеркивания и выделения в документе. Утраченные фрагменты обозначены <...>, восстановленные публикаторами фрагменты даются в квадратных скобках, сокращения документа, публикуемого не полностью, обозначены <...>.

Н.И. Кареев

ГЛАВА 7. НОРМАТИВНОЕ И ПРИКЛАДНОЕ ЗНАНИЕ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ (фрагмент)¹

385. Понятно, что понятие ценности по содержанию будет одним в политической экономии, другим в эстетике, третьим в этике и т.п., смотря по тому, идет ли речь о пользе, о красоте, о правде и т.п. Ценное в художественном отношении может быть ничем в отношении хозяйственном и наоборот, как в то же время польза или красота не всегда бывают вместе с тем и правдою. Польза для одних может быть вредом по отношению к другим, а красота бывает, *что называется*², как еще на какой вкус. Только правда мыслится одинаково для всех, как нечто родственное с законосообразностью в процессах мышления и в явлениях природы. Это и есть

¹ Публикация подготовлена в рамках проекта РФФИ № 19-09-00109/19.

² Фраза «что называется» — приписка на полях.

то этическое отношение, которое мы отделяем от отношений теоретического (истина), утилитарного (польза), эмоционального разных категорий (§). // Л. 17. *Философская*¹ этика всегда и была исследованием вопроса о том, что с точки зрения разума может быть признано высшим благом, идеалом нравственного поведения, справедливою нормою взятого права, притом стоящим выше влечений и интересов индивидуально-эгоистических и коллективно-эгоистических, разделяющих людей, тогда как высшая правда мыслится возвышающею над всеми этими разделениями.

386. Подобно тому как логика не представляет собою психологии мышления и не основывается на ней, так и этику нельзя ни² отождествить с психологией поведения (или воли), ни обосновать на ней. Как логику, так и этику можно изучать без психологии, с тем только различием, что психология, как и все науки вообще, подчинена требованиям логики, а этика не может претендовать на то, чтобы что-либо диктовать психологии, ибо психология, как и всякая другая наука относится к области мышления, правильными процессами которого занимается логика, тогда как этика имеет дело с нормативными законами не мышления, а поведения. Между психологией и этикой есть известное соприкосновение, но занимаясь одним и тем же, они рассматривают его с разных точек зрения, назовем ли мы одну научной, *экспликативною*³, другую — субъективной, оценочной, философской, нормативною. Психология изучает человеческие чувства и страсти, анализирует их, классифицирует, определяет их отношение к актам воли, к поведению, совершенно также изучает и волевые явления, не давая им никакой оценки их знания того, что есть, как оно есть, не выводя никаких заключений относительно того, что должно быть. // Л. 18.

387. Как логика не может предъявлять мышлению требований, превышающих человеческую природу и потому таких, которые выходили бы за пределы психологической возможности, так и этика должна считаться с естественными законами человеческой природы и не только психической, но и материальной. *Религиозная и метафизическая*⁴ этика, рассматривающая нравственные нормы как божественные заповеди или как требования, вытекающие из сокровенной сущности духа, не считаются с фактической возможностью исполнения таких норм, что можно видеть из морали аскетизма. Справки с психологией для этики нужны не столько в положительном, сколько в отрицательном отношении: пси-

¹ Слово «философская» — приписка сверху.

² Частица «ни» — приписка сверху.

³ Слово «экспликативною» — приписка на полях.

⁴ Словосочетание «и метафизическая» — приписка на полях.

хология не может показать, чего следует требовать от человеческого поведения, а чего нельзя требовать, дабы не впасть в утопизм, присущий нередко религиозной и метафизической этике. С этой стороны, этика должна быть научною, т.е. не противоречащей науке.

388. Поведение, как внешнее проявление внутренних психических переживаний, может изучаться не в одной индивидуальной, но и в коллективной психологии, равно как в ряде специальных гуманитарных наук, занимающихся нравами, обычаями, моральными воззрениями разных народов, эпох, религий, философских или правовых систем, особыми случаями поведения, из которых известные случаи называются преступлениями, проступками, даже, пожалуй, шалостями и т.п. В таком изучении моральной культуры человеческих обществ для этики важны только те общие этические теории с нормативным содержанием, которые даны нам в религиях, философских системах, в общих теориях права, поскольку во всем этом материале обнаруживаются некоторые общие черты того, что люди признавали за нравственные нормы и как эти нормы // Л. 19. все более выяснялись в сознании людей, занимавшихся вопросами этики.

389. Этика имеет свою историю, как имеют свою историю и всякие другие теории — политические, исторические, экономические и т.п., и столь же неправильно было бы смешивать историю этики с историей фактической нравственности, как если бы мы не различали между историей экономических учений и историей хозяйственного быта или между историей политических теорий и историей государственных форм. Мало того, этика не может быть поэтому сведена на фактическую¹ историю нравственности плюс историю моральных учений, как не может быть и вся² политическая экономия составлена из истории экономических быта и учений. Если еще исключить предположение о совпадении предметов этики и какого бы то ни было отдела психологии, для этики остается только одно — быть исключительно нормативным учением, подобно логике с тем лишь различием, что логика имеет формальное содержание, а этика должна иметь содержание нормальное.

390. Однако осуществить такую идею этики оказывается на деле неизмеримо труднее, чем поставить теоретически указанную задачу. Дело в том, что раз этика должна дать³ рациональное обоснование человеческой нравственности и вывести нормы человеческого поведения из какого-нибудь единого и основного начала, исследование в этой области непре-

¹ Слово «фактическую» — приписка на полях.

² Слово «вся» — приписка сверху.

³ Слово «дать» — приписка на полях.

менно должно установить и определить самые общие этические понятия добра, высшего блага, должнствующего быть, нравственного идеала, а это ставит этику в ненарушимую связь с самыми основными и высшими¹ запросами философии, не так-то легко разрешимыми. Главное здесь — это то, что *идея*² должного и, следовательно, безусловно желательного создается не актом познания, поскольку должное не может никоим образом [быть] определено из сущего (§), а иррациональным актом воли, как чистого самоопределения сознания. Нет таких логических // Л. 20. доводов, которые могли бы заставить к чему-либо стремиться против его воли, и раз человек определил свою жизненную дорогу, заставить его свернуть с избранного пути могут отнюдь не доводы разума, а только какие-либо вновь явившиеся чувства и стремления. Здесь уже начинается царство субъективизма, но каждый старается при этом оправдать свою точку зрения разумом и если не имеет в виду исключительно и потому эгоистически только самого себя, то определяет высшее благо по отношению ко всем людям вообще, как существам, одинаково в себе самих носящих цель своего бытия и могущих в равной мере быть объектами этического поведения.

391. Этика метафизическая выводит вопрос о высшем благе из пределов мира явлений, доступного познанию, «в миры иные», что придает ей трансцендентный (§)³ характер, а в иных проявлениях и чисто религиозное значение. Долго в этике царствовала исключительно трансцендентная точка зрения, пока не стали возникать позитивные теории этики, самое характерное в которых заключается в построении того, что можно назвать типом нормальной индивидуальной и социальной жизни, т.е. поведения отдельных людей и устройства их совместной жизни, содействующих свободному раскрытию всех способностей, наиболее полному и гармоничному расцвету жизненных сил каждого. Человеческая индивидуальность мыслится при этом, как моральная личность, в себе самой носящая цель своего существования, а потому не могущая быть лишь орудием или средством для посторонних целей, в чем и заключается истинное человеческое достоинство, требующее своего признания и уважения к себе. Позитивная этика притом является этикой эволюционной, связывая свою основную идею с понятием жизненной эволюции человечества.

392. Этический характер по признанию нравственного достоинства человека и по защите его, как прирожденного человеку права на свободу, представляет собою то учение об естественном // Л. 21. праве, которое

¹ Словосочетание «и высшими» — приписка на полях.

² Исправлено с «понятие».

³ Знак «§» — приписка на полях.

господствовало в юридических теориях XVII–XVIII века. Мы видели, в чем заключается отличие права от нравственности (§). Право имеет дело с разграничением интересов, поставленным под защиту общественной власти, которая может пользоваться принуждением и этим достигать уважения чужих интересов, чужого права, чужого достоинства и наказывать за их нарушение. Положительным правом, однако, весьма часто бывали *законы*¹, учреждения, создававшие или поддерживавшие бесправие, отрицавшие в человеческой личности ее моральное достоинство, односторонне приносившие интересы одних в жертву интересам других. Против таких законов и учреждений и стало протестовать учение о естественном праве, как в то же время о праве разумном. Естественное право вовсе не было обобщением того, что было одинаково и сходно во всех отдельных случаях положительного права. Если бы отдельные положения естественного права создавались применением сравнительного метода, римские юристы не стали бы утверждать, что по естественному праву все люди рождаются свободными, и в данном отношении не противоположили бы естественному праву положительного (в двух его системах римского гражданского и общенародного, *jus gentium*), признающего рабства. Значит, идеальные нормы права выводятся не из реально существующих норм исторически слагавшегося положительного права разных народов, а из другого источника, каким и была философская этика.

393. Научное исследование права заключается не только в догматическом анализе действующего права, не только в изучении его истории, не только в общей его теории, как одного из важных сторон общественной культуры, не только, наконец, [в] познании истории правоповедения во всех его отраслях, // Л. 22. но и в рассмотрении того, что может в праве считаться действительно справедливым и разумным. Истинное, с высшей, этической точки зрения, право *не*² заключается безразлично в том, что ни создавалось бы, ни оберегалось бы, ни защищалось бы властью, а в том, что соответствует этическому пониманию права. Право в таком философском к нему отношении мыслится, как нечто должное не в качестве совокупности юридических требований власти, а в качестве положений, соответствующих назначению права, высшей его цели. Кроме юристов-догматиков, юристов-историков, юристов-методистов, существуют юристы-философы, познающие право не таким, каково оно бывает, но каким оно должно быть.

394. Как нормативное изучение права берет свои принципы из этики, так нормативное понимание государства основывается на принци-

¹ Слово «законы» — приписка на полях.

² Частица «не» — приписка на полях.

пах права. Как безнравственное право, каким оно может быть в действительности (пример — крепостное право) заключает в себе внутреннее противоречие при идеальном понимании права, так и в понятии бесправного государства заключается представление чего-то ненормального, недолжного. Принцип естественного права, как известно, был в свое время приложен и к государствоведению, в котором и возникла идея правового государства и целая политическая доктрина, заключающая учения в пределах государственной власти, о способах ограждения этих пределов, о правах граждан по отношению к власти государства, о разного вида свободах (совести, мысли, слова, печати, собраний, сообществ и т.п.) и т.п. Есть значит и нормативное государствоведение научного характера, не нуждающееся ни в каких метафизических предпосылках.

395. С высшей, нормативной точки зрения может изучаться и народное хозяйство, в котором есть и свои стороны политического, юридического и // Л. 23. этического характера. Формы экономической жизни определяют собою не только материальное состояние отдельных¹ обществ, способы удовлетворения разнообразных потребностей, притом и материальных, и духовных, но и положение отдельных личностей и целых общественных групп в отношениях, касающихся морального их достоинства, их юридических прав, их положения в государстве. Хотя по самой своей природе политическая экономия более всего напирала на понятия пользы, хозяйственного интереса (§) и т.п., тем не менее в этой науке даже возникло целое направление, получившее название этического (ср. §) и поставившее свою задачу найти в психологии и в этике исходные принципы для реформы всей политической экономии. Один из экономистов этого направления (немецкий ученый Шмоллер) даже отрицал существование категории чисто хозяйственных явлений, полагая, что все они слагаются из явлений технических, которыми только и занималась (неправильно, по его мнению) классическая школа (§), явлений этических и правовых, причем под этическими разумел и психическое вообще. Другой экономист этого направления (тоже немец, Каутц) видел в своей науке две части: историческую, дающую отражение действительности, и этико-философскую, содержащую в себе прообраз имеющего впоследствии сделаться действительностью.

396. Таким образом, в изучении нравственности, права, государства, народного хозяйства кроме устремления в сторону существующего обнаруживаются стремления в сторону долженствующей быть. Высшие прин-

¹ Слово «отдельных» — приписка на полях.

ципы последнего и вытекающие из них нормы поведения¹ составляют содержание этики, которая прежде всего, так сказать, сообщает их философии права, а эта в свою очередь дает свои руководящие идею изучению норм // Л. 24. политической и экономической жизни. Обобщающая нормативное изучение права, государства, хозяйства наука может быть названа социальной философией, относящейся к социологии совершенно так же, как этика — к психологии (§). Все эти изучения могут быть названы научными, поскольку отрешаются от метафизических предпосылок и, говоря в должном, не выходят за пределы научно возможного. Если свои исходные принципы они заимствуют не из изучения существующих и существовавших раньше юридических, политических и экономических явлений, то обязаны считаться с законами этих явлений, дабы не выходить за пределы возможности или вообще, или при данных обстоятельствах. Наконец, что касается методологии нормативного знания, то оно стремится быть рациональным и пользоваться абстрактно-дедуктивным методом. Оно и понятно: это — науки не о реальных явлениях, а об идеальных нормах и все построения здесь основываются не на подведении итогов под фактами, а на выведении одних принципов из других.

Литература

Бродский А.И. (2014) Морализаторство и насилие с логико-семантической точки зрения. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение*, 1: 5–11.

Долгова Е.А., Малинов А.В. (2017) «Понять чужую душу»: фрагменты из неопубликованного труда историка, социолога, методолога науки Н.И. Кареева. *Вестник архивиста*, 4: 236–247.

Козловский В.В., Браславский Р.Г. (2017) В.О. Ключевский как исторический социолог и теоретик цивилизации. *В.О. Ключевский: воспоминания и исследования*. СПб.: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого: 219–256.

Куприянов В.А. (2019) Европейский либерализм в зеркале политической философии И.А. Ильина. *Философский полилог: журнал Международного центра изучения русской философии*, 2(6): 59–76.

Разеев Д.Н. (2019) Свобода воли и когнитивный механизм выбора. *Вестник Томского государственного университета*, 439: 110–114.

Трофимова Е.А. (2012) *Космизм в культуре Серебряного века*. СПб.: СПбГИЭУ.

Шиповалова Л.В. (2015) Объективность: путь от само собой разумеющегося к очевидному. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение*, 2: 46–52.

¹ Фраза «и вытекающие из них нормы поведения» — приписка на полях.

Источники

Кареев Н.И. (2017) Общая методология гуманитарных наук. Глава 2. Логические предпосылки всякой методологии. *Социологическое обозрение*, 3: 327–365.

Кареев Н.И. (2020) Общая методология гуманитарных наук. *Социология науки и технологий*, 2: 64–85.

Кареев Н.И. (2020) Теоретические гуманитарные науки (фрагмент главы VI рукописи «Общая методология гуманитарных наук»). *Социологические исследования*, 8: 132–136.

Кареев Н.И. (1919) *Общие основы социологии*. Пг.: Наука и школа.

Кареев Н.И. (1897) *Введение в изучение социологии*. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича.

Лаппо-Данилевский А.С. (2017) О теории ценности (фрагменты). *Вопросы философии*, 4: 182–190.

NORMATIVE KNOWLEDGE IN THE SOCIAL SCIENCES (BASED ON NIKOLAY I. KAREEV'S MANUSCRIPT "GENERAL METHODOLOGY OF THE HUMANITIES")

Alexey Malinov^{abc} (a.v.malinov@gmail.com),

Evgeniya Dolgova^d (medievalis@list.ru)

^a Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

^b The Sociological Institute of the RAS, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

^c Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia

^d Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Citation: Malinov A., Dolgova E. (2022) Normativnoye znaniye v sotsial'nykh naukakh (po materialam rukopisi N.I. Kareyeva «Obshchaya metodologiya gumanitarnykh nauk») [Normative knowledge in the social sciences (based on Nikolay I. Kareev's manuscript "General methodology of the humanities")]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 25(3): 41–57 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.3.2>

Abstract. The article and the accompanying publication of archival documents introduce a fragment of a historian, sociologist, and scientific methodologist N.I. Kareev's work "General Methodology of the Humanities" (1922). The published excerpt is devoted to the relationship of theoretical, practical and normative knowledge. Theoretical knowledge reveals the laws of phenomena, practical knowledge is focused on solving applied (technical) problems, and normative knowledge grasps social reality on the basis of existing (accepted) norms and values. Kareev tried to formulate the ideal of scientific

ethics as a normative doctrine that cognizes the actions of people and reveals norms of behavior. In a broad sense, the project of scientific ethics coincided with the tasks of social philosophy. An ethical point of view, or rather a moral assessment is acceptable in the study of social phenomena, but likewise ethics itself can be investigated in its specific forms and manifestations. The identification of ethical elements in social facts (legal, economic, political) made it possible, Kareev believed, to study morality as a social phenomenon. The main aid in this matter was the comparative method. The comparison was mainly supposed to establish similar and repetitive features in social phenomena and thus reveal the specifics of ethical relations. The text is published according to modern spelling rules, maintaining the stylistic features of the document.

Keywords: Kareev, methodology, ethics, normative knowledge, comparative method.

References

Brodsky A.I. (2014) Moralizatorstvo i nasilie s logiko-semanticheskoy tochki zreniya [Moralizing and violence from a logical and semantic point of view]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 17. Filosofiya. Konfliktologiya. Kulturologiya. Religiovedenie* [Bulletin of Saint Petersburg University. Series 17. Philosophy. Conflictology. Culturology. Religious studies], 1: 5–11 (in Russian).

Dolgova E.A., Malinov A.V. (2017) “Ponyat’ chuzhuyu dushu”: Fragmenty` iz neopublikovannogo truda istorika, sociologa, metodologa nauki N.I. Kareeva [“To understand someone else’s soul”: Fragments from the unpublished work of the historian, sociologist, and methodologist of science Nikolay I. Kareev]. *Vestnik arkhivista* [Herald of an Archivist], 4: 236–247 (in Russian).

Kozlovsky V.V., Braslavsky R.G. (2017). V.O. Klyuchevskij kak istoricheskij sociolog i teoretik civilizacii [V. O. Klyuchevsky as a historical sociologist and theorist of civilization]. In: *V.O. Klyuchevsky: vospominaniya i issledovaniya* [V.O. Klyuchevsky: memoirs and research]. St. Petersburg: Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University: 219–256 (in Russian).

Kupriyanov V.A. (2019) Evropeyskiy liberalizm v zerkale politicheskoy filosofii I.A. Ilyina [European liberalism in the mirror of I.A. Ilyin’s political philosophy]. *Filosofskiy polylog* [Philosophical polylogue], 2: 53–71 (in Russian).

Razeev D.N. (2019) Svoboda voli i kognitivny`j mexanizm vy`bora [Freedom of will and the cognitive mechanism of choice]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk state University], 439: 110–114 (in Russian).

Trofimova E.A. (2012) Kosmizm v kul`ture Serebryanogo veka [Cosmism in the culture of the Silver age]. St. Petersburg: SPBGIUE (in Russian).

Shipovalova L.V. (2015) Obyektivnost: put ot samo soboj razumeyushhegosya k ochevidnomu [Objectivity: the path from the self-evident to the obvious]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 17. Filosofiya. Konfliktologiya. Kulturologiya. Religiovedenie* [Bulletin of Saint Petersburg University. Series 17. Philosophy. Conflictology. Culturology. Religious studies], 2: 46–52 (in Russian).